

от автора

№ 725

УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ
И
ЕГО ИЗУЧЕНІЕ.

Дм. Багалѣя.

Зачт.

Изъ февральской книжки „Кіевской Старины.“

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчагъ-Новицкаго, Михайловская ул., собств. домъ.

1883.

Удѣльный періодъ и его изученіе¹⁾.

Въ современной русской исторической литературѣ можно отмѣтить два теченія. Съ одной стороны идетъ только изданіе памятниковъ, и такимъ документальнымъ направленіемъ характеризуются преимущественно семидесятые годы. Количество вновь изданныхъ матеріаловъ для новой русской исторіи XVIII вѣка таково, что приводитъ въ трепетъ ислѣдователя. Вспомнимъ только, какая масса документовъ издана нашими учеными обществами (Русскимъ Историческимъ, Московскимъ—Исторіи и Древн. Рос. и пр.) и спеціальными историческими журналами (Русскою Стариною, Русскимъ Архивомъ и др.). Независимо отъ чисто историческихъ документовъ было собрано и издано множество матеріаловъ по русской народной словесности (Рыбниковымъ, Безсоновымъ, Шеннымъ, Далемъ, Головацкимъ, Антоновичемъ, Чубинскимъ) и археологіи (въ трудахъ археологическихъ съѣздовъ, спеціальныхъ археологическихъ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ).

Но рядомъ съ этимъ шла и разработка политической и бытовой исторіи какъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ, такъ и въ общихъ сочиненіяхъ. Являлись попытки общихъ взглядовъ на ту или иную эпоху и даже на весь ходъ русской жизни.

Уже Соловьевъ въ основаніе своей „Исторіи Россіи“ положилъ опредѣленную идею народнаго самосознанія; личности являются для него только представителями этого самосознанія; развитіе же общества идетъ органически, а не случайно. Поэтому-то „Исторія Россіи“ стоитъ несравненно выше „Исторіи государства рос-

¹⁾ Пробная лекція, читанная въ имп. харьковскомъ университетѣ 17 декабря 1882 года магистромъ русской исторіи Д. И. Багалъемъ.

сійскаго“. Можно не соглашаться съ опредѣленіемъ тѣхъ ступеней, которыя прошло русское общество отъ колыбели своей до нынѣшняго зрѣлаго возраста; но нельзя спорить противъ основной мысли автора—постепеннаго развитія идеи самосознанія.

Естественно, что чѣмъ больше разработана извѣстная эпоха, тѣмъ болѣе возможности уловить ея общій духъ. Неудивительно поэтому, что въ древне-русской исторіи, гдѣ фактическая разработка значительно подвинута впередъ, гдѣ количество матеріала замѣтно не увеличивалось, разница-же была только въ группировкѣ и освѣщеніи его, мы видимъ больше философскихъ обобщеній, чѣмъ въ средней и особенно новой. Тоже самое приложимо въ частности и къ удѣльному періоду.

Является такимъ образомъ необходимость разобратся въ мнѣніяхъ и взглядахъ, стоящихъ часто въ противорѣчій другъ съ другомъ.

Конечно, затронутый нами вопросъ слишкомъ обширенъ для того, чтобы его можно было исчерпать въ теченіе одной лекціи; но мы и не претендуемъ на это, а дадимъ только краткій конспектъ того, что явилось результатомъ нашего изученія удѣльнаго періода.

Разработка удѣльно-вѣчеваго періода началась еще съ прошлаго вѣка, но въ ней не было еще той исторической критики въ широкомъ смыслѣ этого слова, которая была создана Шлецеромъ.

„Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ Татищева, не смотря на многія свои достоинства, представляетъ изъ себя сводную лѣтопись до смерти Θεодора Іоанновича, при чемъ нѣкоторыя извѣстія почерпнуты изъ недошедшихъ до насъ источниковъ.

Почти тоже самое можно сказать и о книгѣ Арцыбашева „Повѣствованіе о Россіи“. Хотя Арцыбашевъ издалъ свое сочиненіе послѣ кн. Щербатова и даже Карамзина, но оно прямо примыкаетъ къ сводамъ лѣтописныхъ извѣстій въ родѣ „Исторіи“ Татищева. Самъ Арцыбашевъ сознается, что онъ сличалъ слово въ слово, а иногда буква въ букву всѣ лѣтописи, какія могъ имѣть. Впрочемъ книга Арцыбашева имѣетъ значеніе по тѣмъ примѣчаніямъ, которыя заключаютъ въ себѣ опредѣленіе древнихъ географическихъ названій или-же критическій разборъ извѣстій иностранцевъ.

Сюда-же до нѣкоторой степени примыкаютъ труды еще одного историка, хотя дѣятельность его относится ко второй четверти

нынѣшняго столѣтія и прекратилась всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ—я говорю о Погодинѣ. Онъ у насъ былъ творцомъ такъ-называемаго математическаго метода, результатомъ котораго было 7 томовъ „Издѣлованій, замѣчаній и лекцій“ и 3 тома „Древней русской исторіи до-монгольскаго ига“. Приемы историческаго изслѣдованія у Погодина очень просты: лѣтописный матеріалъ онъ распредѣляетъ по извѣстнымъ формальнымъ рубрикамъ, не допуская себѣ ни малѣйшаго отступленія въ область общихъ взглядовъ и теорій; далѣе буквального пониманія лѣтописнаго текста онъ не идетъ; смыслъ фактовъ онъ измѣряетъ ихъ количествомъ, обращая факты въ цифровую величину. Такимъ образомъ „Древняя русская исторія“ Погодина имѣетъ нѣкоторое значеніе по группировкѣ, хотя чисто механической, однородныхъ фактовъ. Но и въ этомъ отношеніи несравненно выше нужно поставить его „Издѣлованія, замѣчанія и лекціи“, которыя послужили основой его „Исторіи“. Въ нихъ мы имѣемъ прекрасныя справочныя книжки, а въ нѣкоторыхъ томахъ и основательныя изслѣдованія (о древней русской лѣтописи, о норманскомъ вопросѣ). Самостоятельнаго взгляда на удѣльно-вѣчевую эпоху у Погодина нѣтъ: онъ стоитъ на перепутьи между Карамзинымъ и Соловьевымъ.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на нѣкоторыхъ другихъ менѣе важныхъ попыткахъ изложенія древне-русской исторіи—„Запискахъ касательно русской исторіи“ Екатерины II¹⁾ и „Россійской исторіи“ Штриттера²⁾. Гораздо выше нужно поставить кн. Щербатова и его противника Болтина.

„Исторія Россіи“ Щербатова представляетъ первую попытку прагматической русской исторіи. Въ основаніе своего труда онъ кладетъ теорію Юма о причинахъ и слѣдствіяхъ; но новостъ труда, отсутствіе достаточнаго количества данныхъ не позволили ему хотя сколько-нибудь совпадать со своей задачей; желая для всякаго событія найти ближайшую причину, онъ часто дѣлаетъ странныя, неестественныя объясненія.

Рядомъ съ Щербатовымъ нужно поставить Болтина, написавшаго критическія примѣчанія на Исторію Щербатова; у него уже

¹⁾ Онѣ доведены до 1276 года и составляютъ простой пересказъ лѣтописи.

²⁾ Доведена до 1462 года; сухая и скучная компиляція.

больше критическаго таланта, умѣнья различать важное отъ неважнаго.

Несравненно большею опредѣленностью отличается взглядъ Карамзина на удѣльный періодъ. Карамзинъ явился выразителемъ и послѣдователемъ такъ-называемой *государственной теоріи*. Первые кievскіе князья были, по его мнѣнію, самодержцами: „славяне, говоритъ онъ, добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе и требуютъ государей отъ варяговъ, которые были ихъ неприятелями“. Съ Рюрика уже устанавливается монархія и продолжаетъ свое существованіе до Ярослава Мудраго. „Но съ Ярославомъ, говоритъ далѣе Карамзинъ, древняя Россія погребла свое могущество и благоденствіе; наслѣдники не умѣли соединить частей въ цѣлое, и государство, шагнувъ такъ-сказать отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ“. Но признавая, что раздробленіе Россіи на множество областей разрушало монархію первыхъ кievскихъ князей, Карамзинъ тѣмъ не менѣе и въ удѣльный періодъ хочетъ видѣть государство, только со многими государями. Сначала Кіевъ, потомъ Владиміръ являются для него государственными центрами и къ нимъ онъ пріурочиваетъ всю исторію удѣльно-вѣчеваго періода, строго слѣдя за преемственностью великокняжеской власти.

Въ послѣднее время государственную теорію снова выдвинулъ пр. Самоквасовъ ¹⁾.

Но трудно доказать то, что стоитъ въ противорѣчій съ фактическими данными. Не возможно игнорировать власти вѣча, которое придавало князю, какъ своему вождю, большую политическую силу и могущество. Съ другой стороны нельзя видѣть ни у древнихъ князей, ни у древнихъ областей сознательной государственной идеи; власть древне-русскаго князя основывалась не на принципѣ, а на фактѣ. Византійскія государственныя идеи проникли и получили значеніе при посредствѣ церкви гораздо позже; не мало способствовало этому также и татарское иго, которое усилило великокняжескую власть, сдѣлавъ ее органомъ и орудіемъ ханской воли. Капитальная ошибка Карамзина состояла въ томъ, что современныя понятія о государствѣ онъ переносилъ въ сѣдую древность и порицалъ

¹⁾ Зам. по ист. рус. гос. устройства и управленія («Журн. мин. нар. пр.», 1869 г.; 11 и 12-я кн.

у древне-русскихъ князей всякое уклоненіе отъ его собственной излюбленной мысли, забывая совершенно объ условіяхъ тогдашней жизни.

Государственная теорія Карамзина слѣдила за преемственностью великокняжеской власти въ удѣльный періодъ, но не выставила основнаго принципа, руководившаго взаимными отношеніями князей. Эту задачу приняла на себя *теорія родоваго быта*, впервые научно обоснованная Эверсомъ. Послѣдователи этого направленія подмѣтили тотъ вѣрный фактъ, что въ княжескихъ отношеніяхъ играютъ значительную роль родовые счета. Заслуга Эверса и его послѣдователей заключается въ томъ, что они открыли первичную общественную клѣточку, изъ которой потомъ органически развивались всѣ дальнѣйшія ступени жизни русскаго народа: Этой клѣточкой, по ихъ словамъ, является родъ, родовой бытъ народа, который впоследствии переносится на княжескую семью. Вопросъ о родовыхъ отношеніяхъ князей преимущественно разработанъ Соловьевымъ. Всѣ отношенія, устанавливающіяся между князьями, опредѣляются, по его мнѣнію, идеею родоваго старшинства: дяди въ этомъ случаѣ старше племянниковъ; великому князю наследуетъ не сынъ его, а слѣдующій за нимъ братъ. Всякій разъ со смертію великаго князя остальные переимѣщаются на слѣдующую ступень; въ доказательство этого приводятся между прочимъ слова Ярослава Всеволодовича Черниговскаго: „яко-же отъ прадѣдъ нашихъ лѣствицею каждо восхождаше на великое княженіе кіевское, сице и намъ, и вамъ лѣствичнымъ восхоженіемъ, кому аще Господь Богъ дастъ взыти ¹⁾“. Сыновья князей, не достигшихъ великокняжескаго стола, являются героями; они не имѣютъ участія въ общемъ наследіи князей русской земли или въ лучшемъ случаѣ получаютъ отдѣльныя волости, въ родѣ Полоцка или Галича. Между тѣмъ въ сѣверо-восточной Руси появляется и растетъ новое начало территориальное, послужившее переходомъ къ государственному. Начало это Соловьевъ ставитъ въ связь съ новыми городами въ Ростово-Суздальской землѣ. Княжеская власть усилилась тамъ, потому что въ происшедшей борьбѣ верхъ взяли новые города, обязанные своимъ происхожде-

¹⁾ Ник. лѣт., II, 265 стр. Сергѣевичъ справедливо говоритъ, что это мѣсто сомнительно, ибо въ Ип. лѣт. сказано: «при нашемъ животѣ не пишемъ, а по васъ кому Богъ дастъ».

ніемъ княжеской колонизаціи; это вмѣстѣ съ тѣмъ была побѣда княжеской власти. Съ возникновеніемъ и расширеніемъ территориальнаго начала начинается борьба внутри его самого, въ которой одерживаютъ верхъ московскіе князья; тогда получаетъ господство идея государственности. Такъ представляетъ себѣ Соловьевъ послѣдовательный ходъ древне-русской исторіи. На первый планъ онъ выдвигаетъ, какъ мы видимъ, родовыя отношенія. „Владѣнія, города, области, по выраженію Соловьева, имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее и бѣтается изъ всѣхъ силъ за одинъ городъ на югѣ, потому что этотъ городъ приближаетъ его къ старшинству: однимъ словомъ, интересъ собственника вполне подчиняется интересу родича“. Въ связи съ этимъ Соловьевъ отрицаетъ обособленное существованіе такихъ напримѣръ земель, какъ Сѣверская или Суздальская. Святославищи Черниговскіе являются у него князьями, ратующими за единство всего потомства Ярославова, за общность владѣнія всею русскою землею¹⁾.

Оставляя въ сторонѣ соображенія Соловьева о родовомъ бытѣ народа, противъ которыхъ выставлены сильныя возраженія славянофилами и вообще приверженцами общиннаго быта, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о родовыхъ отношеніяхъ князей въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Нельзя всѣ событія удѣльно-вѣчевой эпохи объяснять родовыми счетами князей; были и другіе элементы, игравшіе важную роль въ тогдашней жизни, напримѣръ, географическое положеніе земель, симпатіи или антипатіи вѣча, ряды или договоры и т. д. Отрицать ихъ мы не имѣемъ никакой возможности, потому что они существуютъ на самомъ дѣлѣ и оказываютъ чрезвычайно сильное вліяніе на ходъ событий. Можно, конечно, спорить о степени компетентности вѣча въ томъ или иномъ княжествѣ, можно не придавать ему такого значенія, какое придаютъ ему славянофилы; но отрицать сильное вліяніе вѣчеваго элемента на ходъ древне-русской жизни вообще мы не имѣемъ никакой возможности.

¹⁾ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикава дома» и «Исторія Россіи» Соловьева.

Г. Сергіевичъ на основаніи всей совокупности фактовъ древне-русской жизни даетъ довольно полную характеристику вѣчевыхъ порядковъ (опредѣляетъ пространство и время, въ которыя дѣйствовалъ вѣчевой бытъ, устройство вѣчевыхъ собраний, предметы вѣдомства вѣча). Народъ и князь, по его словамъ, суть два одинаково существенные элемента древне-русского общественнаго быта: съ одной стороны народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой—главную силу князя составляетъ тотъ-же народъ. Участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подъ формою вѣча. Вѣче не создано княземъ; оно составляетъ первоначальную форму быта. Конечно, предѣлы вѣдомства вѣча не были вполне точно обозначены: иногда власть вѣча и князя находились въ полномъ согласіи другъ съ другомъ, иногда-же вмѣсто его былъ антагонизмъ и борьба, въ которой родовое страпнство должно было смиряться передъ симпатіями вѣча; такихъ случаевъ было очень много.

Вообще можно сказать, что родовое старѣйшинство рѣдко когда соблюдалось: столы большею частью переходили или по завѣщанію, или по призванію.

Что касается теоріи новыхъ городовъ и территоріальнаго начала, то она очень неясна и не вполне убѣдительна; почему, напримеръ, новые города по Руси, Стугнѣ и въ землѣ Рязанской не повели къ подобнымъ же результатамъ? Самъ Соловьевъ, какъ-бы понимая это, указываетъ еще на природу сѣверо-восточной Руси и видитъ въ ней причину развитія тамъ государственной идеи.

Такимъ образомъ, родовая школа, выдвигая одно начало, умалеть и даже вовсе игнорируетъ значеніе остальныхъ; держась искусственно созданной руководящей нити—великокняжеской власти, она путается во взаимныхъ столкновеніяхъ князей и совершенно упускаетъ изъ виду особенности жизни областной.

Въ противоположность родовой теоріи выдвинута была *личная*, придающая громадное значеніе „произволу личности во всей ея случайности, свободѣ во всей ея необузданности“. Подобныя воззрѣнія господствовали въ западной Европѣ въ XVII и XVIII вв. вплоть до XIX вѣка, когда эти механическія теоріи замѣнились органическими; тогда-то и возникли ученія о естественномъ состояніи и общественномъ договорѣ. Въ естественномъ состояніи мы видимъ механическое, а не органическое соединеніе отдѣльныхъ

лицъ съ полнымъ индивидуальнымъ произволомъ; въ общественномъ договорѣ мы открываемъ также присутствіе личнаго начала. У насъ это ученіе въ приложеніи къ древне-русской исторіи проповѣдуется гг. Чичеринымъ и Сергѣевичемъ; первый преимущественно развилъ начало частноправной собственности (вотчинное), а другой—договорное, т. е. такое-же частноправное начало. Князья удѣльнаго періода, осѣвшіе по разнымъ областямъ, представляются г. Чичерину просто хозяевами—помѣщиками. „Впослѣдствіи времени, говоритъ онъ, князья сдѣлались осѣдлыми въ своихъ областяхъ; изъ начальниковъ дружины они превратились въ вотчинниковъ, но характеръ управленія остался тотъ-же: не было еще понятія объ общественныхъ потребностяхъ, составляющихъ предметъ государственнаго управленія; какъ въ частномъ хозяйствѣ, вся цѣль состояла въ полученіи дохода княземъ и его слугами... Самое управленіе носило тотъ-же частный характеръ; доходы жаловались въ кормленіе княжескимъ слугамъ, отдавались на откупъ или собирались хозяйственнымъ образомъ княжескими прикащиками... Община въ вотчинной Руси, лишенная собственного суда, имѣла одно значеніе: уплату податей и отправленіе повинностей въ пользу землевладѣльца“¹⁾.

Вообще вотчины являются для князей частною собственностью, которую они дѣлятъ между дѣтьми, продаютъ, покупаютъ, мѣняють; даже Новгородъ г. Чичерину представляется до нѣкоторой степени „большимъ вотчинникомъ“. У г. Кавелина ученіе о вотчинѣ не доведено до такой крайности.

Теорія г. Чичерина имѣетъ за собой реальную основу: вотчина дѣйствительно является основнымъ элементомъ древне-русскаго политическаго быта. Только не за чѣмъ признавать эту вотчину исключительно частноправнымъ явленіемъ, особенно въ удѣльный періодъ. Если князья и осѣли по областямъ, то это не значитъ, что они обратились въ простыхъ собственниковъ—помѣщиковъ. Ученіе г. Чичерина основано главнымъ образомъ на изслѣдованіи княжескихъ грамотъ татарскаго періода, гдѣ будто-бы не дѣлается различія между правами князя на волость и на частную собственность. Но противъ этого представили серьезныя возраженія гг. Градовскій и

¹⁾ Областныя учрежденія Россіи въ XVII в. Чичерина, стр. 2—3.

Бестужевъ-Рюминъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что князья въ силу практическихъ соображеній въ свои духовныя вносили частныя, хозяйственныя распоряженія наравнѣ съ общими, Бестужевъ-Рюминъ тѣмъ не менѣе указываетъ на разницу между частною собственностью и волостью, являющуюся въ этихъ-же грамотахъ и свидѣтельствующую о томъ, что государственныя понятія не совсѣмъ сливались съ понятіями гражданскаго права: селомъ князь владѣлъ вполне; съ волостей только пользовался доходами и данями—былъ государемъ. Но и тѣ фактическія данныя, которыя г. Чичеринъ приводитъ въ пользу своего мнѣнія, относятся ко второй половинѣ удѣльнаго періода—послѣтатарской; до татарскаго-же нашествія не можетъ быть и рѣчи о такихъ вотчинникахъ, о какихъ говорить г. Чичеринъ.

Г. Сергѣевичъ, какъ мы уже сказали, всѣ явленія общественной жизни древней Руси объясняетъ договорами. „Взаимныя отношенія князей, какъ и всякихъ независимыхъ одинъ отъ другаго правителей, опредѣляются договорами. Исторія княжескихъ отношеній есть ничто иное, какъ исторія договоровъ,.. Право вступать въ договоры принадлежитъ каждому князю, не смотря ни на степень родства, соединяющую его съ другими князьями, ни на относительное значеніе управляемой имъ волости“. Обыкновеннымъ средствомъ для заключенія договоровъ служили княжескіе съѣзды, не имѣвшіе впрочемъ обязательнаго характера. Здѣсь, какъ и вообще въ княжескихъ отношеніяхъ, основаніемъ всего является свободная воля участниковъ. Въ отношеніяхъ князя къ народу г. Сергѣевичъ видитъ тоже договорное начало: въ моментъ призванія князь и народъ заключаютъ между собою *рядъ*; „въ теченіе самаго княженія могло возникнуть множество вопросовъ, подлежащихъ обыкновенно рѣшенію вѣча и князя. По этимъ вопросамъ были необходимы новыя соглашенія“; являлись снова ряды. „Такимъ образомъ, князь и вѣче стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе“. Вѣче тоже носитъ на себѣ характеръ личный, индивидуальный. „Народъ участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ не по призванію князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому „мужу“ права устраивать свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ

нѣчто особое, живущее своей самостоятельной жизнью. Присутствуя на вѣчѣ въ силу личнаго права, народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ не чрезъ представителей, а поголовно; а съ другой стороны онъ не ограниченъ въ предметахъ своего разсужденія: онъ обсуждаетъ какіе хочетъ вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Собраніе, каждый отдѣльный членъ котораго представляетъ только себя и говоритъ только во имя своихъ личныхъ интересовъ, составляетъ *цѣлое* только въ случаяхъ соглашенія *всѣхъ*. Если этого соглашенія нѣтъ, оно распадается на части, между которыми возгорается война. Такимъ образомъ характеръ нашего вѣча опредѣляется двумя условіями: *слабостію* княжеской власти и всемогуществомъ личной свободы, столь обыкновеннымъ въ первоначальномъ обществѣ“.

И такъ главнѣйшіе элементы древне-русскаго общества—власть князя и вѣча г. Сергѣевичъ выводитъ изъ договорнаго начала. Какъ Соловьевъ всѣ взаимныя отношенія князей сводилъ къ родовому принципу, такъ г. Сергѣевичъ сводитъ ихъ къ договорному. Признавая иногда фактъ добыванія волостей путемъ захвата, г. Сергѣевичъ и въ этомъ случаѣ считаетъ необходимымъ договоръ, который одинъ только въ состояніи закрѣпить за тѣмъ или инымъ лицомъ ту или иную волость¹⁾.

Такова сущность теоріи Сергѣевича. Нужно сознаться, что и она выходитъ изъ реального факта: *рядъ* дѣйствительно существовалъ въ удѣльный періодъ; но имѣлъ-ли онъ такой смыслъ, какой придаетъ ему г. Сергѣевичъ? Врядъ-ли.

Скорѣе можно согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, которое даетъ ряду г. Леонтовичъ. По его мнѣнію, рядъ по первоначальному его смыслу, означалъ вообще *законъ, поконъ* или *уставъ*, т. е. обычай, норму или правило обычнаго права, державшагося въ народномъ сознаніи или изложеннаго письменно „въ рядахъ и докончаньяхъ“. Случайность, фактический характеръ отношеній едва-ли имѣли здѣсь мѣсто. Таковы договоры всѣхъ общинъ, а въ особенности Новгорода, съ князьями XIII-го и слѣдующихъ столѣтій. Ихъ нельзя считать чѣмъ-то новымъ, что измѣняло бытъ Новгорода и отношенія его къ князьямъ, вносило въ нихъ новыя начала, неиз-

¹⁾ «Вѣче и Князь», ист. оч. В. И. Сергѣевича.

вѣстныя прежнему времени. „Такимъ образомъ, говоритъ г. Леонтовичъ, все говоритъ въ пользу того, что общественный бытъ древней Руси не слагался изъ какихъ-то безсвязныхъ, случайныхъ, лишенныхъ всякаго органическаго характера отношеній между различными общественными силами и элементами. Въ основѣ всего быта лежали народные обычаи, обычное право служило, если можно такъ выразиться, общою канвой, на которой развились „ряды и докончанья“ князей и общинъ. Ряды и докончанья, въ существѣ дѣла, не имѣли самостоятельнаго и произвольнаго характера, были выраженіемъ не столько субъективной воли рядившихся сторонъ, сколько общей правды и пошлннъ, регулировавшихъ весь народный бытъ“¹⁾. Личность въ этомъ случаѣ не только не царяла надъ общимъ, а скорѣе тонула въ немъ, потому то не всегда и проводится разница между частнымъ и общественнымъ.

Со времени татарскаго нашествія, договорный элементъ дѣйствительно усиливается и получаетъ въ большей степени формальный характеръ. Въ грамотахъ сильные князья формальнымъ договоромъ упрочиваютъ свою власть, слабые такимъ-же путемъ желаютъ себя оградить отъ притязаній сильныхъ. Отецъ умирая оставляетъ своимъ сыновьямъ духовное завѣщаніе, гдѣ опредѣляетъ точно волость каждаго, регулируетъ ихъ взаимныя отношенія и предусматриваетъ малѣйшія случайности. Такъ мало по-малу московскіе удѣльные князья обращаются въ московскихъ государей.

Но въ дотатарскій періодъ все это не имѣло такого характера: тамъ царяла народная правда, пошлина, которая съ одной стороны уничтожала случайный характеръ отношеній, а съ другой—не допускала тѣхъ формальныхъ рядовъ, которые мы видимъ въ началѣ государственнаго періода.

Главная ошибка г. Сергѣевича заключается въ томъ, что онъ излагаетъ вопросъ догматически, а не исторически и потому смѣшиваетъ эпохи. Между тѣмъ количество и достоинство собраннаго имъ матеріала дали-бы ему возможность прійти къ болѣе правдоподобнымъ заключеніямъ, если-бы онъ разграничилъ эпохи и обратилъ вниманіе и на другія основы тогдашняго быта. И такъ, личная

¹⁾ Задружно-общинный характеръ быта древней Россіи въ Жур. Мпн. Нар. Пр. 1874 г., августъ, стр. 220—222.

школа принесла свою пользу, указавъ на значеніе личнаго начала въ удѣльный періодъ; но выводы ея слишкомъ односторонни; въ нихъ хорошо разработанъ юридическій характеръ отношеній, но мало обращено вниманія на бытовую.

Крайности родовой и отчасти личной школы вызвали возраженія со стороны *общинной*, главнымъ образомъ со стороны славянофиловъ, подвергнувшихъ самой строгой критикѣ теорію родовыхъ отношеній. Но славянофилы не привели своего ученія въ стройную систему и тѣмъ менѣе выяснили вопросъ о роли общины въ удѣльный періодъ, такъ какъ излагали свое ученіе, подобно г. Сергѣевичу, догматически, а не исторически.

Гораздо болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлалъ г. Кавелинъ. Г. Кавелинъ собственно говоря является эклектикомъ: въ древне-русской жизни, по его мнѣнію, оба элемента—родовой и общинный—семейный дѣйствовали совмѣстно. Вся исторія удѣльно-вѣчеваго періода „естъ исторія родового начала, предоставленнаго самому себѣ, исторія его постепеннаго разложенія и упадка“. Ярославъ первый задумалъ установить государственный порядокъ на родовомъ началѣ. Вся Русь должна была находиться въ общемъ владѣніи всего рода Ярославова. Но едва только стали обозначаться линіи, какъ уже онѣ начали забывать свое общее происхожденіе, стали преслѣдовать свои частныя особенныя цѣли; частный, болѣе кровный, семейственный союзъ исключалъ болѣе общій родовой; между ними идетъ борьба, которая заканчивается побѣдою семейнаго, вотчиннаго начала. Сначала князья—полуправители, полувотчинники живутъ между собою согласно, но потомъ (очень скоро) происходитъ борьба дядей съ племянниками—родового начала съ семейственнымъ; начинаются вообще непрерывныя войны изъ-за удѣловъ. Устраиваются княжескіе свѣзды, но и они не въ состояніи поддержать падающаго родового начала. Во время и подъ вліяніемъ этихъ княжескихъ распрей развивается политическое значеніе общинъ, выражающееся въ расширеніи власти вѣча. Особенно усилилась новгородская община, такъ что она является типическимъ образцомъ русско-славянской общины съ ясно обозначенными формами быта.

Съ разграбленіемъ Кіева Андреемъ Боголюбскимъ, падаетъ прежній центръ Руси и вмѣстѣ съ нимъ и всякій признакъ политическаго единства. Потомство Ярослава распадается на нѣсколько

вѣтвей, которыя теряютъ всякое сознаніе родоваго единства. Выступаетъ на первый планъ вотчинное начало: чѣмъ владѣли отцы и дѣды, тѣмъ желаютъ владѣть и ихъ потомки; княжескія вѣтви и фамиліи получаютъ осѣдлость; семья одержала верхъ надъ родомъ. Но и родовое начало сохранилось, только подъ другою формою: его нужно искать не въ цѣлой Руси, а въ отдѣльныхъ земляхъ, княжествахъ; въ каждомъ изъ нихъ повторяется то, что прежде можно было наблюдать въ цѣлой Руси; отдѣльныя вѣтви въ свою очередь размножаются; между ихъ членами господствуетъ принципъ родоваго старѣйшинства: является много великихъ князей. Далѣе князья уже получаютъ новый характеръ: они дѣлаются просто вотчинными владѣльцами, наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній. Вѣче теперь мало по-малу теряетъ свое государственное значеніе; прежде вольные дружинники дѣлаются великокняжескими слугами. Самое управленіе областей получаетъ другой характеръ—дѣлается болѣе домашнимъ, вотчиннымъ: прежде областями управляли дѣти княжескіе, теперь—воеводы, получающіе ихъ въ кормленіе.

Окончательное господство новыхъ понятій ускорило монгольское иго. Для хановъ, которые утверждали князей на ихъ столахъ, родовое старѣйшинство уже не имѣло никакого значенія. Кромѣ того монгольское иго усилило великокняжеское достоинство, которое обратилось было уже въ пустой титулъ, а теперь сдѣлалось орудіемъ, выраженіемъ всемогущей ханской власти. Такимъ образомъ отрицательнымъ путемъ татарскіе ханы способствовали окончательному паденію у насъ удѣльной системы. Но положительнымъ путемъ дѣйствовали московскіе князья—собиратели, которыхъ и нужно признать создателями новаго государственнаго порядка. Для достиженія своей цѣли они не пренебрегали никакими средствами; родовое начало пало; нужно было еще ослабить и уничтожить начало семейственное въ собственной-же своей семьѣ—и это было сдѣлано: чтобы отвратить соперничество въ собственной семьѣ, великіе князья московскіе мало по-малу уменьшаютъ области младшихъ сыновей, пока наконецъ Иванъ Грозный не дѣлается единственнымъ владѣльцемъ всего московскаго государства ¹⁾.

¹⁾ Взглядъ на юрид. бытъ др. Россіи (соч. К. Кавелина, ч. I-я).

Нельзя не признать за взглядомъ г. Кавелина серьезнаго научнаго значенія. Несомнѣнно, что процессъ разложенія родоваго начала подѣ влияніемъ семейственнаго обрисованъ имъ съ чрезвычайною простотою, ясностью и убѣдительностью. Только врядъ-ли можно согласиться съ той характеристикой, которая придана вотчинному началу. Фактъ „осѣданія“ князей по волостямъ совершенно точный и реальный: Но на сколько это вотчинное начало отличалось частнымъ характеромъ, въ какой степени князья являются помѣщиками, управлявшими своими волостями также, какъ и помѣстьями, это еще вопросъ спорный.

Скорѣе всего отчина есть просто столъ отца и можетъ обозначать собою всякую волость по отношенію къ дѣтямъ владѣвшаго ею князя, даже въ томъ случаѣ, если имъ не удалось овладѣть ею по смерти отца. Нельзя также согласиться съ тѣмъ, что вотчинное начало, осѣданіе князей по областямъ развилось у насъ со времени Андрея Боголюбскаго. Обособленіе областей произошло раньше, хотя и не одновременно. Вотчинный принципъ былъ уже поставленъ и принятъ на Любецкомъ сѣздѣ 1097 года. Тогда-же въ нѣкоторыхъ областяхъ „осѣдаютъ“ отдѣльныя княжескія семьи: Святославичи въ землѣ Сѣверской, Ростиславичи въ землѣ Галицкой. Другія земли обособляются, получая себѣ отдѣльныя княжескія вѣтви, нѣсколько позже (Волинская, Ростово-Суздальская). Такой характеръ носило вотчинное начало до второй половины XIII вѣка и измѣнилось только подѣ влияніемъ татарскаго нашествія. Съ раздробленіемъ земель и княжествъ, съ размноженіемъ княжескихъ вѣтвей и обращеніемъ ихъ въ многовѣтвистые роды, владѣнія получаютъ до нѣкоторой степени частный характеръ. Таковы напримѣръ владѣнія князей Новосильскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ, Мецецкихъ, Мосальскихъ—потомковъ Михаила Всеволодовича Черниговскаго, владѣнія, образовавшіяся на территоріи прежней земли вятичей. Княжества эти до такой степени измельчали, что обратились просто въ крупныя имѣнія и, конечно, не играли уже почти никакой политической роли.

Но г. Кавелинъ обратилъ вниманіе, какъ мы видимъ, преимущественно, если не исключительно, на юридическую сторону быта. Оставался все таки мало выясненнымъ вопросъ объ этнографическихъ особенностяхъ племенъ.

Постановка и разработка этого вопроса принадлежит *федеративно-областной школе*.

И прямые свидѣтельства исторіи, и этнографическое изученіе современныхъ племенъ и народностей привели къ мысли, что въ древней Руси единство и цѣлость земли сочетались съ раздѣльностью и своеобразностью частей. Вотъ основная мысль школы. Мысль эта впервые была высказана кн. Щербатовымъ, а за тѣмъ Полевымъ, авторомъ „Исторіи русскаго народа“. Полевой уже высказалъ то положеніе, которое въ наши дни было подробно развито Н. И. Костомаровымъ—что отдѣльныя славяно-русскія вѣтви были основаніемъ обособившихся потомъ княжествъ. Н. И. Костомаровъ изъ этнографическихъ особенностей племенъ создалъ цѣлое ученіе о федеративномъ строѣ древней Руси. Это федеративное начало вело, по словамъ Н. И. Костомарова, „къ образованію политическихъ обществъ, которыя сохраняя каждое свою самобытность, не теряли бы между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностью“. Еще лѣтописецъ подмѣтилъ, что славяно-русскія племена „имяку обычаи и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ“. Это извѣстіе лѣтописи подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ и соображеній. И географическія условія мѣстностей, и историческія обстоятельства вели къ различію, особности племенъ. Не нужно также забывать, что чѣмъ неразвитѣ народная масса, тѣмъ уже ея понятіе о своенародности: все, сколько нибудь не похожее на свое, кажется чужимъ. Такимъ образомъ каждое племя представляло изъ себя этнографическую единицу; всѣ они находились другъ съ другомъ въ федеративной связи. Такова была до-княжеская Русь.

Но вотъ на сцену является семья Рюриковичей и вытѣсняетъ мѣстныхъ князьковъ. Во внутренней жизни народа отъ этого собственно ничто не перемѣнилось, хотя все таки племена должны были чувствовать нѣкоторый гнетъ чуждой власти. Но и онъ совершенно исчезъ, когда въ областяхъ утвердились отдѣльныя княжескія линіи.

„Народные интересы, говоритъ Н. И. Костомаровъ, сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междоусобій, совершенно подчиняли своему направленію княжескія побужденія, и хотя сами измѣняли свой характеръ, но за то и характеры княжескихъ отношеній совершенно сообразовались съ ними. Правда

нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, за то докончили, опредѣлились и укрѣпились большія, слитныя изъ меньшихъ“.

Такихъ народностей Н. И. Костомаровъ насчитываетъ 6: 1) южно-русская, 2) сѣверская, 3) велико-русская, 4) бѣлорусская, 5) псковская, 6) новгородская. Прежде всего обособляется земля Новгородская: развивается понятіе о волости новгородской отдѣльно отъ прочихъ русскихъ волостей; выдвигаются на первый планъ мѣстные новгородскіе интересы. Вслѣдъ за тѣмъ обособляются Кривичи и образуютъ два княжества—Полоцкое и Смоленское, которыя въ свою очередь распадаются на массу мелкихъ; но эти послѣднія сохраняютъ все таки постоянное тяготѣніе другъ къ другу. Точно также выдѣляются Псковская, Волынская и др. земли.

Русь удѣльно-вѣчеваго періода представляла изъ себя такимъ образомъ рядъ областей, дробившихся на множество мелкихъ княжествъ, находившихся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи; дѣленіе могло продолжаться постоянно, но въ предѣлахъ данной этнографической группы: количество княжествъ въ Полоцкой землѣ могло увеличиваться до безконечности, но единица Полоцкой земли оставалась постоянно та-же. Каждая народность образуетъ землю съ стольнымъ городомъ во главѣ; къ этому главному городу тянуть пригороды, къ пригородамъ—волости. Это-то сознаніе земельного единства и выражается словами: „Новгородская земля, Сѣверская земля“. Всѣ эти земли тянули другъ къ другу и образовали вмѣстѣ Русскую землю. Единство ихъ основывалось на общности происхожденія, быта, языка, княжескаго дома и христіанской православной вѣры. Особенно сильнымъ объединяющимъ началомъ служили единый княжескій родъ и единая православная вѣра съ ея книжнымъ языкомъ, іерархіей и церковными законами. „Такъ Русь, говоритъ Н. И. Костомаровъ, стремилась къ федераціи, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться“¹⁾.

Несомнѣнно, что основная мысль федеративной школы о сочетаніи въ древней Руси единства и цѣлостности земли съ своеобразностью частей,—мысль вѣрная и плодотворная. Вѣрно также

¹⁾ Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси (Ист. мон. и изслѣдованія Ник. Костомарова, ч. I).

указаны условія, которыя вели къ единству и разнообразію частей. Не совсѣмъ удачнымъ только представляется намъ терминъ „федеративный“ для обозначенія тогдашняго политическаго строя Россіи. Подъ федераціей обыкновенно разумѣютъ такой порядокъ вещей, при которомъ отдѣльныя единицы, составляющія федерацію, сознательно переуступаютъ часть своей власти въ пользу какого-нибудь центральнаго правительственнаго учрежденія (конгресса или сейма). Ничего подобнаго мы не можемъ отыскать въ древне-русской жизни. Да и тѣ условія федеративной связи (общность происхожденія, быта, языка, православной вѣры), на которыя ссылается Н. И. Костомаровъ, относятся къ области этнографіи, между тѣмъ какъ федерація—принципъ преимущественно, если не исключительно, политической. Если уже опредѣлять какимъ-нибудь терминомъ начала древне-русской жизни, то мы-бы предпочли терминъ „областность“, „областной“, хотя онъ нѣсколько шире и, пожалуй, неопредѣленнѣе, чѣмъ первый. Онъ только указываетъ намъ на автономію земель: степень которой не всегда будетъ одинакова. Вопросъ этотъ самъ по себѣ заслуживалъ-бы вниманія, но мы не можемъ на немъ останавливаться, а отсылаемъ интересующихся къ существующимъ областнымъ монографіямъ. Намъ кажется, что терминъ „областной“ болѣе удаченъ, чѣмъ принятый доселѣ „удѣльный“, и потому періодъ съ половины XI вѣка до половины XIV скорѣе можетъ быть обозначенъ какъ „областно-вѣчевой“, чѣмъ „удѣльно-вѣчевой“.

Идея областности, будучи примѣнена къ разработкѣ русской исторіи, оказала ей существенную пользу, значительно подвинула ее впередъ. Прежній способъ изученія и изложенія событій областно-вѣчеваго періода (Карамзина и Соловьева) оказался неудобнымъ ни для изслѣдователя, ни для читателя: попытка прилѣпить всѣ событія къ государственной идеѣ или идеѣ родового старѣйшинства оказалась неудачной. Исходя изъ того положенія, что каждое древне-русское княжество представляло извѣстныя особенности, нѣкоторые изслѣдователи занялись изученіемъ исторіи каждаго княжества отдѣльно. И этотъ новый способъ изслѣдованія принесъ блестящіе результаты: явился цѣлый рядъ областныхъ монографій, которыя значительно разсѣяли тотъ мракъ, которымъ была опутана наша древняя исторія. Тутъ, стоя въ зависимости отъ фактовъ, можно было избѣжать крайностей общихъ взглядовъ и теорій и,

наоборотъ, придать имъ ихъ надлежащее значеніе и смыслъ. Такъ явилась исторія Новгорода и Пскова Н. И. Костомарова, Бѣляева, Никитскаго, исторія галицко-володимірскаго княжества—Зубрицкаго, Шаранѣвича, исторія ростовскаго княжества—Корсакова, рязанскаго, Иловайскаго, болоховской земли—Дашкевича и мн. др. Въ связи съ этимъ тоже областное этнографическое начало дало полезныя результаты въ приложеніи къ русской археологіи. Благодаря ему, сдѣлались возможны такіе капитальные труды, какъ г. Уварова „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“ и г. Самоковасова „Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи“. Если-бы вообще археологическій матеріалъ удалось распредѣлить этнографически, т. е. приурочить, какъ это сдѣлано гг. Уваровымъ и Самоковасовымъ, къ тѣмъ или инымъ славяно-русскимъ вѣтвямъ, то мы-бы приобрѣли цѣлую массу новыхъ данныхъ, которыя дополнили-бы прямое, но общее указаніе лѣтописи, что всякое племя имѣло свои отличительныя черты—„каждо свой нравъ“. Для дальнѣйшаго политическаго существованія древне-русскихъ народностей мы имѣемъ уже несомнѣнные историческіе источники, въ видѣ лѣтописей и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ.

Наше высшее ученое учрежденіе—императорская академія наукъ признаетъ вполне цѣлесообразной областную разработку древне-русской исторіи, ставя темами сочиненій для соисканія Уваровскихъ премій изслѣдованіе отдѣльныхъ областей древней Руси.

Такой-же способъ изложенія событій удѣльнаго періода принять и во многихъ общихъ сочиненіяхъ по русской исторіи. Даже Погодинъ излагалъ событія удѣльно-вѣчевой эпохи по княжествамъ; также поступилъ и пр. Бестужевъ-Рюминъ.

Въ послѣднее время явилось два общихъ сочиненія по русской исторіи—замѣчательный трудъ г. Иловайскаго: „Исторія Россіи“ и „Русская исторія въ памятникахъ быта“ Полеваго. Въ обоихъ исторіяхъ каждаго княжества разсматривается отдѣльно.

Во всѣхъ этихъ фактахъ мы находимъ, что разработка идетъ по правильному пути и много еще плодотворныхъ результатовъ мы увидимъ въ будущемъ.

Дм. Багалѣй.